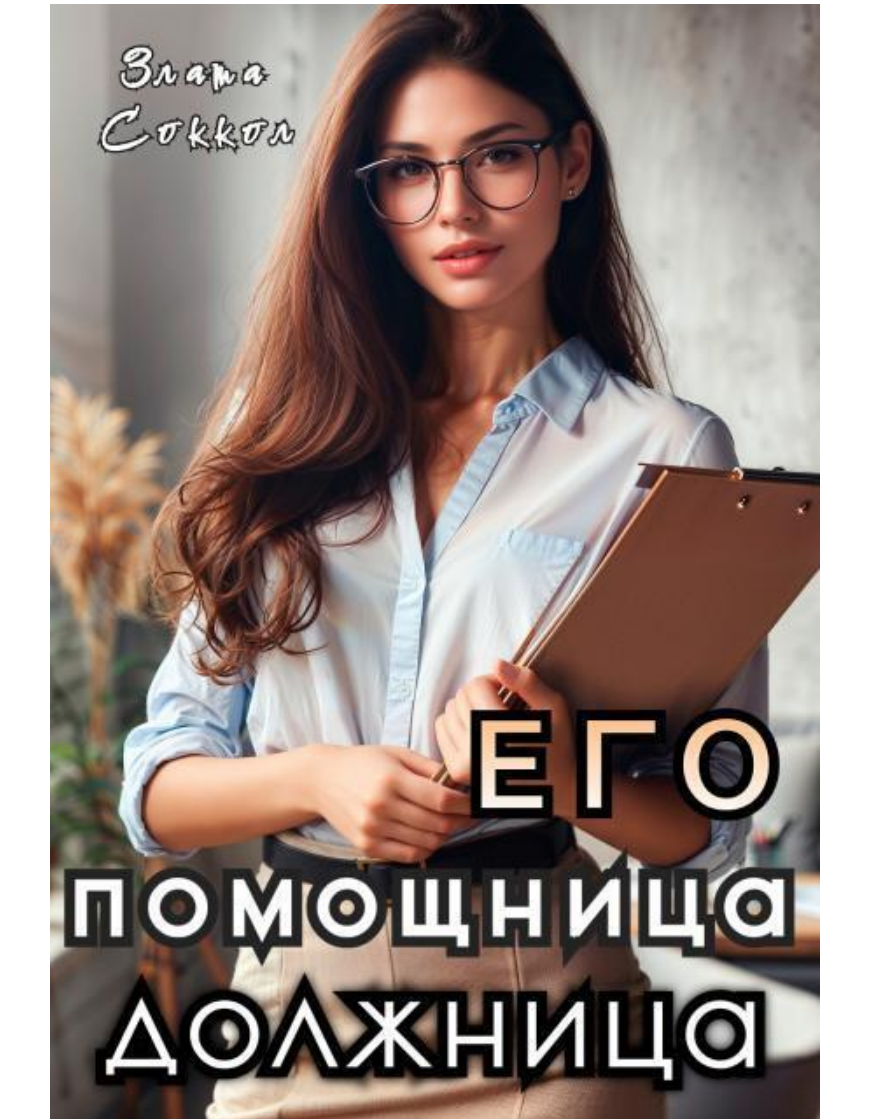

Злапа
Соккол

ЕГО
ПОМОЩНИЦА
ДОЛЖНИЦА

Злата Соккол

Его помощница-должница

<https://litres.ru/74205598>

Аннотация

Кедровский Максим Сергеевич. Воробьева Вера Васильевна. Мы с ним из одного мира. Из мира, где нас объединяет совместный бизнес наших отцов, где нас объединяет атмосфера богатства, пафоса, лоска и всего того, отчего я отказалась, будучи обычной и внешне, и по образу жизни. Макс великолепен, красив и безумно сексуален. Он любит эту искрящуюся богатую жизнь, он умеет ей жить. Мы с ним давно друг друга знаем, но переносим друг друга с трудом. Вот только то, что произошло в наших жизнях, меняет мою в один день. И первое, что я должна сделать после всего произошедшего – отдать долг Кедровскому...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

Это так просто – шаг за шагом. Просто идти, глядя себе под ноги, и стараясь не смотреть никому в глаза. Я не могу смотреть никому в глаза – мне не хватает сил. Мне проще смотреть на то, как мои покрытые пылью некогда белоснежные кеды семянят по ровной плитке одного из переулков московского центра.

Не выдерживаю, и останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. Вдох-выдох. Какая же это мука – когда сердце рвётся на миллиарды кусочков. Это теперь мне хочется тихо плакать, а совсем недавно, чуть больше двух недель назад мне хотелось рыдать навзрыд, разнося всё в клочья.

Я сняла с плеч тонкие лямки рюкзака, перехватив его и прижав к груди, и прислонилась спиной к колонне одного из гигантских офисных зданий, что высилось прямо надо мной. Даже странно, что в этом переулке почти никого нет. Сейчас самый разгар рабочего утра, холодного весеннего утра четверга и моего первого рабочего дня в конторе, гори она огнём, Кедровского Максима Сергеевича.

Я в короткой кожаной куртке, надетой на свитер с высоким горлом, в теплой шапке, джинсах и кедах. Никаких сумок, только маленький рюкзачок из рыжей кожи, местами уже слегка потертый, просто потому что любимый, а я не могу остановиться – занашиваю, потому что удобный и подходит

почти подо всё.

Ветер выл над головой, и моё сердце выло вместе с ним. Я растерянно посмотрела в холодную, отдающую равнодушием зеркальную стену здания, напротив которого стояла.

Худенькая девушка среднего роста с прямыми каштановыми волосами до плеч. Хорошенькая молодая женщина, как и большинство тех, которые в данный момент бороздили эти самые московские улицы, внутри которых находилась и я. Так что при всей своей хорошестьи, я была ещё и самой обычной: прямой нос, в меру пухлые губы, в меру густые брови...

И сине-голубые глаза – моё наследство от мамы.

Ах да, ещё я носила на лице свой неизменный атрибут – большие очки в черной оправе. Зрение меня слегка подводило – трудоёмкая учеба, результатом которой стал красный диплом, всё-таки оставила некоторые последствия. Ну и ничего. Я, если честно, никогда не страдала из-за этого. Я вообще себе нравилась. Любила себя такую, какой была. Так что, может, я и не была роковой красавицей и не обладала умопомрачительной модельной внешностью, но я, если честно, как-то к этому и не стремилась.

Никакого гламура я не терпела от слова «совсем», как это нынче модно было говорить. А очки, я считала, и вовсе добавляли мне какую-то мою фишку.

Я прикрыла глаза на минутку. Как приятно всё-таки было отвлечься от всего. Как приятно... Остановиться на минут-

ку. У меня ведь ещё есть время, да я уже и почти дошла до места. Господи... Мне бы так хотелось убежать, улететь куда-нибудь, послать всё куда подальше...

Горечь снова липкой желчью заструилась где-то внутри меня. Я одним махом упала в воспоминания недавно минувших дней, и сердце моё заколотилось с неистовой силой.

- Что значит ранен?! – кричала я в трубку, не узнавая своего голоса. – Что значит ранен?! Он же на работе! Какого черта он вдруг оказал ранен?!

Меня шатнуло так, что я едва успела припасть к своему столу на кафедре. Устояла, уткнувшись ладонью в столешницу. Больно ударилась бедром, но уже сразу забыла об этом – не до того сейчас, не до чего вообще!... Внутри всё кричало от мучительного страха, от разъедающего беспокойства.

- Там перестрелка была, Вер... - Надя помолчала, в трубке что-то затренькало, потом зашурило. – Вер... Его пасли, понимаешь? Пасли его! Просто прижали... Он же с охраной везде, потому и в офисе в этом стороннем всё произошло... Это всё из-за бизнеса этого чертового...

- Надя! – заорала я так, что у меня в глазах потемнело, и горло словно лопнуло под ударом чьих-то острых когтей. – Надя! Говори, что ты знаешь!

Шуриание сменилось всхлипами и каким-то бормотанием. Всё какое-то «Вер, Вер, понимаешь...»

- Василий Альбертович... Он... Его, когда на скорой уво-

зили, он брату моему сказал, Гюго, ну, то есть Витьке... Черт... Витьке он сказал, чтобы тот документы начинал готовить для передачи его части бизнеса Кедровскому...

Я больше ничего не слышала. Не слышала Надю. Не слышала больше вообще ни черта в этом мире.

«Кедровский... Кедровский Сергей Владимирович – совладелец крупного бизнеса, который они вместе с моим отцом ведут уже так много лет... И вот он что, значит... Дорвался... Я никогда ему не доверяла, никогда. Всегда боялась, что когда-нибудь он решит избавиться от папы – у него же на лице было всё написано. Ну почему отец мне не верил?! Конечно же, это он, это Кедровский... Как же иначе... Он всё это устроил...»

- Друзьями побыли двенадцать лет и хватит... - прошептала я, оседая на пол и снимая очки. Я закрыла лицо руками и зарыдала в голос. Кто-то забежал на кафедру... Марина Олеговна, кажется. Подбежала, испуганно зашебета-ла, тут же засуетилась, забежала вокруг меня. Ане велела воды мне принести, уже засыпала вопросами...

- Папа ранен в перестрелке, - выдавила я, не слыша почти ничего и почти ничего не понимая. – Увезли в реанимацию...

У меня руки дрожали так, что я едва могла держать стакан. Я пила, зубы бились о стекло, и внутри, во рту, вкус теплой крови – губы все искусаны. Любимая моя, возлюбленная моя мама умерла пять лет назад. Я же едва выжила, я же почти высохла тогда.... Папа едва выжил. Мы

как-то выкарабкались, выцарапали себе путь наверх из той страшной ямы, молитвами, слезами, Господу слава... А теперь что? Теперь что будет с моим отцом? Что теперь вообще будет, Господи?...

Я вытерла лицо влажным полотенцем. Огромные серые глаза Марины Олеговны витали передо мной, глядя на меня с её бледного вытянутого лица. Всклобоченная маленькая Аня стучала каблучками, бегая из стороны в сторону и мелькая своим вытравленным хвостиком на затылке.

- Кедровский Сергей Владимирович... Он же в Штатах сейчас... - припомнила я, надавив холодными пальцами на припухшие веки. – Что он скажет? Что? Что бы я ему сказала, если бы могла сейчас поговорить с ним? Что он, сволочь последняя, решил из-за денег отца моего убить?...

- Верочка, Верочка... Ну что ты! – все щебетала Марина Олеговна, снова начиная бегать вокруг меня. – Аня, вызови скорую! Ну, так нельзя же! Или Ольгу Михайловну давай сюда лучше, с успокоительными...

- Да-да, Ольга Михайловна... - Аня закивала головой, нервно теребя ворот белой рубашки. - Точно! А что ей взять-то?

- Да пусть хоть всё берет, Аня! – рявкнула, видимо, уже на пределе своего контроля Марина Олеговна так, что её высокий начёс из ярко-рыжих кудряшек закачался из стороны в сторону. - Ты что не видишь, что с Верой?

Затрезвонил мой мобильный. Я нервно пихнула стакан в

руки Марины Олеговны, протянула руку к столу и стянула с него свой смартфон.

Это была Надя. Я хотела скинуть звонок, но ошиблась и случайно сняла трубку.

- Вера! – кричала Надя в трубку. – Вера! Я тебе скинула адрес больницы, ты можешь приехать! Но только вечером! Пока не пустят, сказали! Вер, Василий Альбертович в сознании, слышишь? Вера... Гюго сам позвонил Максиму Кедровскому, сыну Сергея, но тот отказался объясняться, сказал, что мы бред несем, а у него типа важная сделка и послал нас всех к черту....

Все вдруг словно выцвело. Кедровский Максим – сын Сергея. Его доли в бизнесе отца не было, у него был свой собственный. Этот козёл мог знать о том, что произошло. Нет, он сто процентов всё знал, но просто нагло и цинично послал всех нас куда подальше. Они отправили моего отца умирать, а дальше продолжают крутить деньги... Нет, я ему этого не спущу... Кедровский. Наглый, самовлюбленный, эгоистичный, жестокий, циничный гад, которого Господь отчего-то наделил уж слишком красивой внешностью, к тому же, и целым мешком талантов для такой сволочи, как сын гада номер один Сергея Кедровского. А гадом номер два был, конечно, сам Максим. И если он думал, что ему все так легко с рук сойдет, то пошел он к черту!

Глава 2

Я вскочила на ноги, словно ужаленная осой. Поеду к нему. Он наверняка в своём офисе на Белорусской торчит, где ж ему ещё быть. По крайней мере, буду надеяться на то, что он там свою чертову сделку, хоть бы она провалилась, проводит.

Поеду прямо сейчас! Поеду и вцеплюсь в его вечно уложенную с иголки темно-каштановую шевелюру. Гадина! Гадина!

Я отрывистыми движениями, собирала в сумку свои вещи, то и дело снимая и протирая забрызганные слезами очки. Голова вообще не соображала – проездной, деньги, смартфон, документы, что ещё? Да ну, хватит, не могу...

- Вера.. Верочка, подожди, не убегай так... - кричала мне вслед Марина Олеговна. – Куда ты в таком состоянии, Вера...

Я не пошла к лифтам, сразу кинулась к лестницам и вниз по ступеням – два пролета, первый этаж нового корпуса. Все блестит, красуется своей чистотой лоском. Большие на отель похоже, а не на учебный корпус, мне наш первый ГУМ куда дороже был и будет, но что теперь сделаешь?

Я пробежала через турникет, чуть не застряв в нём, чертыхнувшись.

- Ну, девушка, - пробасил охранник.

Сквозь зубы процедила ему посыл куда подальше, пробралась к высоким дверям через толпу ржущих студентов, затем выскочила на улицу.

Пока бежала к остановке, долго думала, как мне лучше доехать до Белорусской. На такси так и не решилась – не могла сидеть на одном месте, мне надо было бежать, хоть как-то двигаться, идти, не оставаясь со своими мыслями наедине.

Выйдя за территорию университета через калитку, уже издалека увидела, что на остановке стоит огромная толпа студентов и уже с ними другая толпа из остальных жителей столицы, так же жаждущая затолкнуться в нужную гусеницу автобуса любой ценой. Плюнула и направилась к метро пешком вдоль Ломоносовского мимо Фундаментальной библиотеки, ловящей отблески солнца на золотых квадратах окон. Мимо высотки ГЗ – великолепной, любимой, соседствующей с неизменными корпусами старинных факультетов. Я зажмурилась на секунду – моя любимая аллея. Господи, как много времени я проводила здесь, гуляя среди деревьев и фонтанов, наблюдая за рыжими белочками-попрыгуньями, готовясь к экзаменам, наматывая круги в раздумьях, смеясь с подругами, лежа на лавочках и считая облака. Да, я была дочерью состоятельных людей, но я давным-давно выбрала для себя обычную жизнь – тусовка из прожигателей жизни и прочих VIP мне была чужда и отвратительна, хотя иногда мне, скажем, по долгу напи-

ной службы, приходилось там появляться. Так как папа вел бизнес уже много лет, я многих там знала, меня там тоже знали, и знали моих родителей, как уважаемых неглупых людей. Но эта золотая молодежь... Боже. И всегда одно и то же – все улыбались, здоровались, что-то спрашивали, а за спиной смеялись так, что уши мои, наверное, должны были уже сгореть не одну сотню раз. Слышала я как-то по углам и за дверками: «червь книжный, мышь серая очкастая, мгушечка краснодипломная, ботаничка, нищеврод-стайл» и так далее.

Тьфу ты! Да плевать на них всех!

Я покусала губы и поёжилась. Легко оделась? И хорошо – мне ведь сейчас бежать и бежать, сколько сил хватит. Сегодня я была в легких кедах, в джинсах длиной до щиколотки, кофейном пальто оверсайз. Белая вязаная шапка, белый вязаный шарф. Любимый рюкзак за спиной. Неслась к метро, как угорелая. Мне казалось, что поезд везет меня к Парку Культуры целую вечность, а там – толпа, ох, мама не горюй. У меня не было сил толкаться локтями и ломиться вперед, слилась с потоком, стараясь отключить все лишние мысли, звеневшие в голове. Запрыгнула в поезд на последних секундах, прижалась спиной к дверям. Я кинула взгляд на себя в отражении дверей напротив и оценила свой взмыленный вид, прежде чем выйти на Белорусской...

Здесь пять минут от метро. Пять минут до его офиса. Я почти долетела, сунула охране сразу пропуск и паспорт –

здесь меня знали, я сюда к отцу частенько приезжала, когда он к Кедровскому заезжал, а тот у сына торчал.

Я поднялась на лифте на третий этаж. Какое же здесь всё холеное было – стекло, свет, чистота, все в пиджачках, рубашечка, брючках. Девочки все утю-тю-тю глазки строят, губки дуют, и все бумажки носят, подергивая попками. Ну, молодцы, что. А эти пафосные мужики и того хуже – лощеные все в своих костюмчиках с барсеточками, папочками, «ха-ха-ха», «ой покурим», «а вечером в бар», а вообще, а то, сё...

Я подбежала к столу секретаря, за которым сидела светловолосая девушка с большими голубыми глазами и с очень аккуратным каре, вот прямо волосинка к волосинке. Тяжело дыша, я навалилась на ее стол, уткнув ладони в столешницу.

В отражении стеклянной перегородки за ее спиной я увидела, что шапка моя съехала на один бок, очки съехали, напротив, на другой. Губы у меня стали белыми, щеки, напротив – алыми, глаза горели.

- Мне нужен Максим Кедровский, - прохрипела я, мечтая выпить сразу целый кувшин воды.

Девушка посмотрела на меня как на умалишённую.

- Здравствуйте, - промямлила она, испуганно оглядываясь в сторону лифта, словно бы мечтала увидеть там охранника или полицейского – так, на всякий случай. – А.... Он... У него очень важные переговоры. У них... У них там

сейчас сделка в самом разгаре... Да и перерыв уже скоро будет.... Может, Вы подождете?

Девушка смотрела на меня со страхом и большой надеждой. В этот момент я подняла взгляд и увидела Кедровского прямо по курсу. Как раз за стеклянной стеной большой переговорной комнаты, возле которой и сидела секретарь.

Кедровский был как всегда с иголки. В тёмно-синем костюме, в бледно-голубой рубашке и темно-синем галстуке в белую косую полоску. Он был, конечно, чертовски красивым парнем, смуглым, темноволосым. И я чисто по-женски понимала всех этих его баб, которые по нему волосы на себе драли. Макс был довольно высоким, широкоплечим. И фигура у него была, конечно, потрясающая. Господи.... Это ж надо было такой сволочи родиться таким невозможно красивым.... И это ведь я ещё при всей моей кипящей ненависти к нему сейчас признавала.

Лицо его казалось идеальным с любого ракурса: высокие красивые скулы, невозможно притягательные губы и сильный подбородок. Его густые брови были такими же тёмными, как и его каштановые волосы, уложенные высокими вихрами в модную причёску.

Если бы это был не Кедровский, а просто парень, который пришел бы ко мне и предложил с ним переспать, я бы не устояла. Ну, нет, конечно, устояла бы, но с большим трудом, потому что он был действительно ошеломляюще притягателен внешне и, к сожалению, по характеру – нрав у

него был ещё тот.

Однако глядя на него сейчас, я не чувствовала ничего, кроме ненависти, и мечтала только о том, чтобы он горел в адском пламени на пару со своим папашей.

Не медля больше ни секунды, я обошла стол девушки-секретаря, которая тут же затрепетала, подсакивая с места и начиная пищать что-то мне вслед, и уверенным шагом направилась в конференц-зал. Я распахнула дверь разве что не с ноги. Все эти странные лица – молодые и старые, неприятные и миловидные, какие-то до невозможности пафосные и тут же, вроде, и обычные, все они мгновенно повернулись ко мне.

Кедровский несколько шокировано примолк, и приподнял брови, увидев меня, стоящую в дверях и разве что не пылающую от гнева. При этом у меня за спиной, словно резиновый мячик-попрыгунчик, скакала девушка, что-то пытаясь сказать то ли мне, то ли Максиму, однако я ничего и никого не видела и не слышала. Только его, только Кедровского.

- Ты зачем сюда пришла, Воробьева? – грубо спросил Максим. – Давай-ка разворачивайся и дуй отсюда. Перерыв через...

- Ты грязная сволочь и убийца, - прорычала я. Я выставила указательный палец, показывая на Кедровского и, от безысходности и гнева, просто сразу, в один миг начиная орать во всю глотку. – Ты убийца! Ты и твой отец! Так вы решили разделаться с моим папой – пристрелить его, как

собаку, и забрать то, что принадлежит ему, себе! Вы чертовы рейдеры! Убийцы! Убийцы!

Максим кинулся ко мне в тот момент, когда я уже летела на него с кулаками. Слезы застилали глаза, очки совсем сползли на бок, шапка и вовсе почти слетела с головы.

Кедровский подхватил меня, крепко сжав в руках и таща к выходу из конференц-зала. Я пыталась бороться с ним, но тут без вариантов – он был мощным – не подступишься, а у меня в любом случае почти не осталось сил после всей этой гонки и вообще, после всего, что я уже пережила за сегодня...

Кедровский выволок меня в коридор, шепча себе под нос какую-то матерную ругань, и потащил куда-то дальше: за лифты, ближе к лестнице.

- Сумасшедшая идиотка, - наконец остановившись, выкрикнул он, швырнув меня к стене в пустом коридоре возле кадки с фикусом. Каре-зеленые глаза Кедровского горели неистовой яростью. – Ты вообще соображаешь, что ты делаешь! Ты мне сорвала сделку, к которой я готовился последние полтора треклятых месяца!

- Ах, я тебе сделку сорвала, да? – щурясь и поджимая губы, сказала я. Слезы текли по моим щекам, почти обжигая щеки. – Твой папаша три часа назад чуть не убил моего отца из-за...

- Да с чего ты вообще это взяла, Воробьева?! – в бешенстве заорал Кедровский, сжимая руки в кулаки и глядя на

меня так, словно бы готов был испепелить меня взглядом. Или, может быть, даже съездить кулаком по моей челюсти. Он сплюнул в сторону, подошел ко мне и жестким движением поставил две руки по обе стороны от меня, так резко, что я похолодела от ужаса. — Ты просто дура, Воробьева. Там в офисе произошло нападение. На твоего отца и ещё нескольких наших ребят напали — пострадало три человека. Ни мой отец, ни я тут не причем! После всего произошедшего Воробьев сказал, что не собирается больше ничем рисковать, и сказал своей шестерке, чтобы тот готовил передавать бизнес моему отцу в стопроцентную долю. Мой отец его до сих пор отговаривает, но тот уперся рогом. Из-за тебя боится, между прочим! А ты что там вообще себе напридумывала?!

Я вдруг всхлипнула и сползла по стене. Неужели это правда? Неужели это и правда совсем не Сергей совершил нападение на моего отца? Может, папа и правда испугался после произошедшего, в том числе и за меня... Это ведь было похоже на него... Да и это было нормально после всего, что произошло с мамой — он с тех пор вообще безмерно сильно беспокоится обо мне... И ведь, если правда произошло какое-то нападение на них, то папа вполне мог решить отказаться от своих крупных дел... Господи, тогда я действительно настоящая дура...

Мне вдруг показалось, что я и в правду сошла с ума, решив вот так вот с пол пинка обвинить Кедровского и его отца в

покушении на жизнь моего папы...

Сквозь крупные стекла моих очков, усеянных каплями слез, я посмотрела на Максима. Он ходил из стороны в сторону, то и дело, хватаясь за голову и затем отводя волосы к затылку, видимо, не зная, как ему теперь разрулить все, что сейчас произошло.

Наконец он выругался, сплюнув в сторону, затем кинул на меня взгляд, полный ненависти, и направился обратно по коридору, к лифтам, столу секретаря и конференц-залу.

Я в бессилии стянула шапку с головы и приложилась затылком к стене. В голове было совершенно пусто, а внутри так гадко, что хотелось провалиться куда-нибудь сквозь землю глубоко-глубоко.

Вот только такова печаль, что даже этим всё равно уже ничего не изменишь.

Глава 3

Меня выкинуло из воспоминаний обратно в реальность. Я открыла глаза, когда кто-то прошел мимо меня, громко засмеявшись. Вздвогнув, я обернулась – две модно одетые девушки смеялись над чем-то, разговаривая про недавно прошедший день рождения их друга.

Они миновали меня, и я, набравшись сил, наконец, отлипла от колонны, закинула свой рюкзак за спину и направилась дальше. Идти осталось не так много, но я медлила. Я медлила, потому что мне невыносимо было идти в эту обитель зла, где заправлял Макс Кедровский и работать там его помощницей, черт его дери. Быть его должницей у всех его шестерок на виду и выносить то, как он будет помыкать мной. Чего бы мне тогда ни наговорил Максим – он просто ничего не знал, вот и всё. Дурак, не видящий ничего дальше своего носа. В одном он, конечно, виновен не был – Сергей, его отец, действовал в одиночку, это точно, и Максим даже не догадывался о том, что происходит за его спиной. Даже предположить не мог. Кедровский-старший обозвал меня больной идиоткой после того, как узнал ту историю про то, как я ворвалась к Максу в офис, устроив там скандал. Сказал, что я ненормальная, сумасшедшая. Это он сказал ему, Максиму. Надькин брат, Гюго, тогда как раз у них в офисе был. Сергей отрещивался от моих слов с выпученными глазами перед

сыном, у него чуть ли не пена изо рта лилась, и именно из-за того, что я действительно сказала правду, по крайней мере, о том, что он, Сергей Кедровский, напрямую участвовал в том, что случилось с моим отцом. Просто Макс к этому отношения не имел, как я думала, и орать и набрасываться на него, по сути, было абсолютно без толку. Тем более, мне это всё только неприятностей прибавило... В общем-то, я сама виновата. Можно было влипнуть и похуже. Но меня Кедровский старший вряд ли будет трогать – там есть какой-то договор, что если вслед за совладельцем страдает его наследник, то ряд счетов автоматически закрывается. Поэтому, максимум, что Кедровский может сделать – это полностью забрать бизнес себе. Когда-нибудь, он, конечно, может и попытаться бы добраться до меня, если бы это ему понадобилось, но я сильно сомневаюсь, что это ему будет нужно.

А я ведь уже давно догадывалась, что Сергей хотел убрать моего отца из общего дела. Я боялась этого, боялась его попыток что-то сделать, боялась за папу. Отец верил мне лишь частично, пытался упокоить, а в итоге...

В итоге...

Я сняла очки, безвольно опустила руку на джинсы и закрыла лицо свободной ладонью, не сдерживая беззвучные слезы. Я не могла смотреть на папу. Не могла. Я была рада только тому, что он хотя бы лежит в поистине прекрасных условиях – чистой, большой палате с новейшим оборудованием и превосходным уходом. Что за ним следят, уха-

живают, не оставляют. Что здесь он в безопасности. Я вытерла слезы и подняла взгляд.

Вот он, мой папа, Воробьев Василий Альбертович.

Папа был статным мужчиной. Волосы, его некогда каштановые как и у меня, сейчас во многом были покрыты серебряной сединой. Внешне он был симпатичным мужчиной с темно-серыми глазами, некоторой щетиной на крепком подбородке и ободряющей улыбкой. Он был сильным по характеру. Своенравным, конечно, даже несколько упрямым. Но он был настоящим. Настоящим человеком и настоящим мужчиной.

Ему было пятьдесят пять, и я была его единственной дочерью. Его любимая жена, и моя дорогая мама, умерла пять лет назад, и после этого... После этого... Нашу жизнь перевернуло, переживало как-то... Мы тогда стали другими, пережив много горя. Наша жизнь стала другой.

Мы с папой остались друг у друга, и больше всего боялись потерять свои сокровища: он – меня, а я – его. И каково мне сейчас было? Самой не представить.

Папа лежал на кушетке, укрытый тонким белым одеялом. Он был одет в светло-голубую одежду, которая выдавалась всем пациентам, и я едва могла совладать со своей болью, когда видела его таким – пациентом больницы. У меня на глазах он преимущественно всегда был одет в качественные стильные костюмы или водолазки с джинсами – всегда всё ему подходящее и подчеркивающее его стат-

ность. А сейчас... Сейчас он казался мне таким беззащитным, обезоруженным...

Я прикрыла глаза. Рядом с кушеткой светилось и издавало равномерное пиликанье какое-то оборудование, высился столик, на котором лежала любимая папина книга, и подле неё блокнот и ручка. Папе уже сняли маску, но на его руке все равно стоял катетер. И вообще – он был ещё очень слаб, хотя уже прошло не меньше недели, как его перевели из реанимации в обычную палату.

- Вера... Вер... - Я вытерла слезы, протерла очки вытянутой из очечника мягкой салфеткой и снова нацепила их на нос, затем подняла взгляд на папу. Он улыбался мне. Тепло, мягко. Ободряюще, как и всегда. Он никогда не терял присутствие духа, а мне вечно этого не хватало – мой боевой дух сдувался со скоростью проткнутого ишлом воздушно-го шарика. Так было не всегда, после смерти мамы – стало именно так. Выглядела я, наверное, просто отвратительно.

- Прости, пап, - всхлипнув, сказала я. – Прости. Я, правда, стараюсь...

- Вера, я хочу тебя попросить кое о чём, - сказал папа, и я тут же наострила уши, приводя себя в полную готовность – вдруг нужна серьезная помощь. Отец провел по ёжику седых волос и, чуть хмурясь, указал мне на книгу на столике возле кушетки. Это был «Фауст», трагедия Иоганна Гёте.

- Да?

- Я вот для тебя в книге подчеркнул парочку эпизодов, несколько сцен, - сказал он. - Хочу, чтобы ты взяла её с собой домой и прочитала их.

- А...- только и сказала я растерянно. В палату уже зашла медсестра и шепнула мне, что часы приема заканчиваются. - А как же ты? Это же твоя любимая книга. Я читала «Фауста» три раза, куда мне...

- У меня ещё много хороших книг тут. А это... Это для тебя, дочка, - сказал папа, тяжело вздохнув и глядя на меня с непомерным вниманием. И чего это он? Ну, ладно. Я нахмурилась. - Я просто хочу, чтобы моя любимая книга была с тобой. И там сцены эти, важные слова в них... Прочитай.

Я поднялась с кресла и взяла со столика книгу.

- Хорошо, пап. - Я кивнула, пожала отцу его теплую руку и крепко сжала ее в своей ладони. Папа поманил меня. Я наклонилась, и он поцеловал меня в лоб.

- Тебе надо идти, - сказал он, и затем чуть приподнял бровь, глядя на меня. - Помнишь, что придется теперь у Кедровского Максима полтора месяца отрабатывать после той истории?

- Черт бы его побрал, - выругалась я устало. - Помню.

- Он напишет тебе сегодня...

- Господи, целых полтора месяца...

- Это не так много, ты знаешь, - ответил папа. - Самое пиковое время года для его компании. Ему больше твоя помощь нужна, как специалиста, нежели деньги.

Я фыркнула, но сказать ничего не успела. В палату снова зашла медсестра, и мы с папой поспешили распрощаться наскоро, хоть и очень тепло.

Я вышла из больницы с большой скорбью в сердце. В слепящем своей чистой белизной коридоре на первом этаже, уже у самого выхода я подошла к автомату с кофе и купила себе ванильный капучино в пластиковом стаканчике. На вкус вроде ничего, но легче мне от этого не стало. Я шла к метро, думая о Кедровском. Я сорвала ему ценную сделку, и теперь я его должница. Он набрался наглости и заявил моему отцу, что после этого отвратительного скандала, который я устроила, мне придется полтора месяца отрабатывать у него в офисе на побегушках, отдавая семьдесят процентов зарплаты в его фирму.

Подонки и скотина! Он посмел заявить все свои ничемные претензии моему раненому в перестрелке отцу, нажидать на меня, ещё и выставить какие-то требования! Как жаль, что я тогда на глазах у всех не успела вцепиться в его уложенную шевелюру.

Я одним глотком допила кофе, смяла стаканчик в руке и швырнула в урну. Спустившись в метро, я постаралась отключить все лишние мысли и хоть немного расслабиться, и теперь на автомате делала привычные движения – проездной, турникет, спуститься по лестнице, дать эскалатору увезти себя под землю, цепляться равнодушным взглядом

за разноцветные куртки, разномастные лица... И дальше – дождаться на платформе теплого ветра, с которым прибывает на удивление почти пустой поезд, занять место в вагоне и снова потеряться в путанице мыслей...

Мне на Октябрьское поле. Мы жили там с тех времен, как построили мой дорогой, возлюбленный дом в серых тонах – красивый, величественный, и к тому же очень удачно расположенный. Хоть от метро всего пять минут, но на улице Маршала Соколовского никакого лишнего шума и суеты при этом не было, по крайней мере, если и бывали, то не в каких-то непомерных масштабах.

Наш дом был элитного класса. Он был огорожен, там была отдельная парковка для машин, великолепная территория для прогулок, детская площадка, словно целый городок, великолепный подъезд и, конечно, холл с большими окнами с ресепшеном и диванами, да и вообще со всеми плюшками, полагающимися таким домам. Не любила я здесь только одно – снобы здесь были все, начиная от уборщиц и охраны и заканчивая жителями. Мы с родителями типа были в их тусовке, но меня коробило от всего этого – я была приветлива, учтивая, но держала крайне далекую дистанцию. Мама тоже не особо любила всё это, но не жаловалась, относилась спокойно, с некоторой толикой холодного равнодушия и вежливости. Папа был всегда доброжелателен и не чувствовал себя не в своей тарелке – все-таки это была его среда.

Жили мы в этом доме на двенадцатом этаже. Вид из окон открывался на город – в основном крыши домов, сталинских пятиэтажек и высокие машины новостроек, а ещё на деревья и кусочки аллей или улочек.

Я потеряла пальцем корешок книги, которую папа попросил забрать. Сцены и эпизоды из «Фауста»? Я легко дернула плечом. Интересно, что папа имел ввиду?

Я открыла книгу, пролистала пару страниц, проскочила несколько актов. В моих пальцах страницы вдруг легко раскрылись на том месте, где лежала тонкая салфетка. Салфетка чуть не вылетела из книги, так как в вагоне дуло, и я в последнюю секунду ухватила её кончиками пальцев.

Я нахмурилась, приглядываясь. Едва заметный текст был выведен между строками трагедии простым карандашом. Я сразу же узнала папин подчерк, но у меня складывалось ощущение, что он писал этот текст чуть ли не по букве или слову в разное время...

«Сергей солгал. Ты оказалась права, моя Вера. Он уже давно хотел убрать меня из бизнеса. Лебедев ему помогает, хочет занять моё место. Перестрелки не было, их люди ранили меня и угрожали убить тебя, если я их не послушаю, и я им сразу все отдал. Бизнес перейдет Сергею в течение самого кратчайшего срока. Тебя они тронут – там договор перекроет счета, но я им все равно не доверяю и боюсь за тебя. Максим ничего не знает об этом. Не знает даже малой доли правды. Отец всё скрыл от него. Не могу говорить

с тобой об этом, и ты не показывай вида, что всё знаешь – тут везде жучки, они следят за мной, по телефону тоже. Вера, как только они всё заберут и оставят нас в покое, мы сразу уедем. Люблю тебя, моя хорошая. Не унывай».

Я закрыла книгу дрожащими руками. Она сразу выскользнула из них на мои колени, и я едва успела подхватить её. Схватила так крепко, что костяшки пальцев побелели, прижала к себе, сняла очки и опустила голову, содрогаясь в беззвучных рыданиях. Господи, как мне было страшно. Как мне было страшно, одиноко и невыносимо больно в эти минуты...

Приехав домой, я прошла по знакомым до боли улочкам нашего района. Возле метро – как всегда суета, да и только. Свернула на Маршалла Соколовского и побрела к нашей великолепной высотке – тут таких, в нашем районе, было очень много, но свой дом я любила больше всего – мне он казался самым красивым. Я зашла в чистый ослепляющий лоском и чистотой холл, привычно поздоровалась с девушкой на ресепшине и прошла к лифтам. Двенадцатый этаж.

Я вошла в нашу большую трёхкомнатную квартиру. Мы жили здесь с родителями, казалось, целую вечность. Но когда мне исполнилось девятнадцать, мы тогда с Вадиком встречались чуть меньше полугода, папа купил мне квартиру в новостройке в Митино. Дом достроился, родители сделали ремонт, и через год, мы с Вадиком уже переехали туда,

в мою однушку.

Прожили там два года. Мы всего-то с ним встречались три с половиной. В последний год у нас уже было совсем всё плохо — я поняла, что уже давно не люблю моего веселого и такого же очкастого ботаника, как и я, Вадима Звягина. Да и он уже давно ставил мне в упрек мою холодность и нежелание с ним быть, всё больше ревновал, срывался по пустякам...

А потом умерла мама, и мы с Вадимом сразу расстались. Я сама собрала его вещи, просто сказала, что всё кончено и выставила их за дверь. Он тогда не сказал мне ни единого слова, потому что уже давно и так знал, что когда-нибудь этот момент настанет. Нам обоим было только до самой страшной жалости невыносимо, что этот момент настал именно тогда, когда в моей жизни произошла настоящая трагедия. Уже через неделю я переехала в родительскую квартиру, к папе, а эту сдала. Папа был в страшном состоянии, и я даже боялась оставить его одного... Хорошо, что его тогда съела работа, она его тогда вообще здорово вытаскивала — как-то так получилось, что у него начались сплошные командировки, и это действовало на него лучше всякого санатория. Но к психотерапевту, как и я, он ходил еще очень долго, и все эти таблетки... Господи, у нас вся аптечка была завалена антидепрессантами, моими и папиными вкупе.

В то время я как раз окончила университет, и мне с мо-

им красным дипломом и отлично пройденной практикой, прежде всего, предложили работу на кафедре. Деньги не такие большие, но уют, спокойствие, умиротворение, моя любовь к университету.... Всё это окупало какие-то большие заработки в крутых фирмах и прочее, прочее, отчего меня уже давно воротило. Конечно же, я сразу согласилась. Теперь-то мне пришлось уволиться, конечно. После всего случившегося с отцом. Во-первых, я теперь должница Кедровского, и мне нужно отрабатывать у него, во-вторых... Я положила книгу Гёте на тумбу перед зеркалом, рядом с корзинкой, где хранилась всякая мелочевка.... Во-вторых, как только Сергей с Лебедевым заберут то, что хотят, мы с папой уедем – навсегда или на время, но куда-нибудь уедем. Заляжем на дно.

Теперь мне уже не до чего. Жаль только, что увольнение из университета получилось скомканным и быстрым. Но всё равно, теплым, насколько это было возможно при всей ситуации. Я, конечно, мечтала, что когда-нибудь у меня будет возможность заехать туда к моим дорогим коллегам, в родную альма-матер... Навестить, обнять, просто вместе попить чаю...

Я закрыла тяжелую дверь и в бессилии облокотилась на нее спиной. У меня не было сил даже для того, чтобы раздеться. Теперь в этих сгущающихся сумерках нашей квартиры с хорошим и теплым, светлым дизайнерским ремонтом, дорогой мебелью, качественной техникой, в нашем гнездышке

ке, которое с такой любовью, вкладывая деньги и силы, создавали мои родители, мне вдруг стало так страшно и одиноко, что я мигом расплакалась, прямо сидя на коврике в прихожей. Я плакала о тех светлых временах, когда я бегала тут с подружками, а мама пекла пирог для нас на кухне, как папа искал наши любимые мультфильмы в собрании дисков, чтобы поставить нам, пока мы будем пить чай... Я вспоминала, как мы родителями смотрели наши любимые комедии, развалившись на ковре и диване в нашей огромной кухне-гостиной и хохотали. А ещё вспоминала, как к нам приезжали гости.... Как я приходила со школы, загруженная уроками по самое горло, как я плакалась папе о том, что меня ненавидят мальчишки из параллельного класса, как мама готовила меня к выпускному ... Я сняла очки и закрыла лицо руками ... Я столько всего вспоминала.

Не помню, сколько прошло времени. Я, по-прежнему не разувшись и не раздевшись, лежала в прихожей на плитке, которая красивым кусочком отделяла грязную зону прихожей от коридора, как и вся остальная квартира, кроме санузлов и кухни, выложенного дубовым паркетом. Мама любила паркет. И любила натуральные материалы. До сих пор помню, с каким вниманием она относилась к ремонту в нашей квартире....

Брякнул телефон. Кто-то написал в ВотСапп. Я поняла, что меня и так уже размазало дальше некуда, и я должна взять себя в руки. Поднявшись на ноги, я наконец-то разу-

лась и сняла верхнюю одежду. Я направилась в ванную комнату и, быстро приведя себя в порядок, вернулась в прихожую. Моя рука скользнула в рюкзачок, и я вытянула оттуда свой смартфон.

Сердце пропустило удар, и в животе что-то неприятно сжалось. Сообщение от Макса Кедровского.

«Жду тебя завтра в офисе к десяти утра. Без опозданий и отмазок. Новый пропуск уже заказан, не забудь паспорт».

Я раздраженно кинула телефон на тумбу рядом с книгой Гёте.

- Здороваться, интересно, не учили? - буркнула я.

Даже не собираясь отвечать на сообщение, я направилась на кухню – хотелось выпить крепкого кофе. Завтра меня уж точно ждёт сложный день. Слез уже не осталось, но таблетки надо будет принять – иначе будет невыносимо всё это вытерпеть. Впрочем, куда уже хуже?..

Я подошла к зеркальным дверям БЦ. Сколько помню компанию Кедровского, они всегда здесь сидели. Макс обожал этот БЦ, но я вполне разделяла его чувства – это и правда был один из самых приятных местных бизнес-центров. А на моей любимой Белорусской их хватало. Здесь мы с Кедровским тоже совпадали – Макс обожал Белорусскую, и я тоже очень любила этот район. Тут я проходила свою практику, здесь, у Тверской-Ямской, находилось моё любимое Подворье святых Сергия и Германа Валаамских, куда я не раз приезжала, тут вообще было много всего, что было мне дорого.

Бизнес-центр, конечно, впечатлял. Та ещё стекляшка. Внутри все сверкало чистотой и порядком. Охрана, пропускной режим, ресепшн, большая гардеробная, две дорожные кофейни. Ну, как обычно.

Я поднялась на десятый этаж. Прошла по широкому коридору мимо стеклянных стен, либо закрытых жалюзи, либо просто матовых. Все здесь сияло, крича, что этот БЦ действительно высокого класса.

Я знала, где находился нужный мне кабинет, поэтому сразу же направилась туда.

Он был почти такой же, как и остальные, с матовыми стеклянными стенами и дверью, на которой красовалась табличка, отливающая холодным металлическим блеском.

«Кедровский Максим Сергеевич, генеральный директор компании "Мельхиорикс"».

Прикусила губу от жгучего желания достать где-нибудь маркер и подписать «... и полный дурак». Я как раз занесла кулак для того, чтобы постучать в дверь, ужасаясь собственному волнению и страху, что тугими змеями зашелестели внутри, как дверь передо мной уже распахнулась.

Я вздрогнула от неожиданности, и уставилась на красивое лицо Кедровского, который сощурился каре-зеленые, чуть приподнял бровь, оглядывая меня сверху вниз.

- Опаздываешь, Воробьева, - просто сказал он. – Проходи.

Он приоткрыл дверь, веля жестом заходить в его кабинет. Я прошла, уже начиная злиться. Кабинет у Кедровского

был внушительным, просторным. Много картотечной мебели, шкафчики со стеклянными дверцами – и все в таком чистоте и порядке. Каждый документик к документу. Цветные корешки новеньких папок-регистраторов, не то что у нас в университете – все какие-то древние журналы и поношенные папки почти с советских времен. Два больших окна с жалюзи – вид на город, в основном на крыши домов и кусочки дорог и улиц, потому что высокий этаж.

Кондиционер, кулер, два маленьких кожаных диванчика, на которых Кедровский, без сомнения, пока не начал встречаться с Дианой, а может и после, периодически драл своих секретарш или других своих фанаток. Между диванами низкий журнальный столик из стекла с двумя глянцевыми журналами по бизнесу и белоснежной чашкой на блюде с недопитым в ней кофе. Две кадки с высокими фикусами по углам кабинета, возле одного из фикусов небольшой аквариум и, конечно же, внушительный рабочий стол с навороченным компьютером и самой разной канцелярией в полном составе. Никакого бардака здесь не наблюдалось вообще ни в одном уголке. Как будто этот кабинет существовал лишь для журнальных фотосессий.

Глава 4

- Прошу, - Кедровский указал мне на одно из двух кресел, что стояли напротив его стола.

- Скажи, Кедровский, тебя вообще здороваться учили когда-нибудь? – процедила я, бросая на него гневный взгляд. Я уселась в кресло, наблюдая за тем, как Макс обходит свой стол и изящно усаживается за него.

- Во-первых, я теперь твой начальник – и ты, Воробьева, давай-ка меняй свой тон, - сказал он грубо. – Во-вторых, ты мне должна, помнишь? Так что в твоих интересах, чтобы эти будущие полтора месяца прошли в максимально комфортной для нас с тобой атмосфере. А здороваться учили. Так что вот тебе: здравствуй, Воробьева, пора тебе начинать слушать о своих обязанностях.

- Нравится подчинять, да? – гадко ухмыльнулась я, уже на пределе гнева. – Этим здесь обычно занимаешься?

Я чуть качнула головой в сторону двух зеленых кожаных диванов.

Максим устало выдохнул, положил ладони на лицо, слегка потер глаза, и, откинувшись на спинку кресла, снова посмотрел на меня.

- Скажи, Воробьева, ты совсем дура? – спокойно спросил он. - Или у вас там, в МГУ, ещё всё-таки не только по названию умные бывают?

- Да пошел ты к черту, Кедровский.

- В общем, так. Если не прекратишь выёживаться, я прямо сейчас позвоню твоему отцу...

Я вскочила с кресла и мгновенно оказалась у стола Максима, прямо напротив него. Уткнув руки в столешницу, я испепеляла его взглядом, и все равно, как бы мне этого не хотелось, успевала отмечать на заднем дворе сознание то, каким он красивым был в этом своем темном костюме, в белой рубашке, галстукe. Как красиво было его смуглое лицо с высокими скулами, широким, таким мужским подбородком, густыми, почти прямыми бровями. Вот блин, а... Хорош гад, но я спуска за это не дам.

- Если ты ещё хоть раз посмеешь побеспокоить моего отца...

Кедровский поджал губы. Моя истеричность на него никак не действовала, и я вдруг почувствовала себя сумасшедшей истеричкой. Вообще, получается, что так оно и было, если трезво судить о ситуации.

- Послушай, Вера, - внезапно по имени ко мне обратился Кедровский. Это заставило меня охладить свой пыл и вскинуть брови. – Если ты считаешь, что я жажду работать с тобой – ты очень сильно ошибаешься. Я бы всё на свете отдал только, чтобы ты здесь вообще не появлялась, вот уж честно. У меня пик по сделкам в следующие полтора месяца. И все эти сделки с чертовыми французами и с документами на французском. Мне реально нужен человек с твоими знани-

ями и опытом, чтобы все прошло, как можно лучше и прибыльнее. Нанимать его за отдельные деньги – это будет дорого, даже для меня. Особенно после сорванной сделки, которая имела для моей компании веское значение. Так что да, ты моя должница, поэтому тебе тридцать процентов с твоей работы. И да, я это использую, поэтому полтора месяца тебе придется отработать, как бы нам обоим не было тошно от этого. Но давай-ка мы уже оба с тобой с этим смиримся, и как-нибудь перетерпим этот период.

Я плюхнулась обратно в кресло, остыв от всех своих эмоций. Надоело быть душой. В конце концов, Макс прав. Теперь я злилась уже на себя. По двум причинам. Первая – очевидна, я вела себя, как ненормальная, а вторая... Мне до боли неприятно было, что я была так неприятна Кедровскому, чего греха таить. Не хотелось сейчас признаваться себе в этом, но правда остается правдой.

- Я слушаю тебя.

- Главным образом, с тебя переводы всей документации по сделкам на данный период, синхронный перевод для меня с выездами на мероприятия, мелкие секретарские поручения и некоторая работа, как моего личного помощника – кое-что по бронированию, назначению времени сделок, оформлению документов или звонков и прочее в этом духе.

Я смотрела на свои аккуратные ногти с совершенно обычным неброским маникюром. Моя рука безвольно лежала на

подлокотнике кресла, и я не сводила с нее взгляда. Кедровский уже закончил говорить, но я до сих пор ему не ответила. Я несколько раз работала в такой компании и по правилам таких компаний – ещё во времена своей учёбы в университете успевала помогать в папином офисе в пиковые периоды – а там, считай, требовалось почти то же самое, что мне сейчас озвучил Кедровский. Так что радовало хотя бы то, что работа не было мне незнакомой. В общем, ничего сложного по обязанностям я не видела.

- Хорошо, - ответила я, легко пожав плечами. – Раз так, то я готова начать.

Я посмотрела на Максима, и мы встретились с ним взглядами – сердце всё-таки пропустило удар под его взглядом, и я почувствовала, как скулы розовеют, поэтому почти сразу отвела взгляд.

- Отлично. Тогда начнем с того, что у нас дресс-код, - заявил Кедровский. Я на мгновение закатила глаза. Так, понятно, никаких свитеров, джинсов, кед, вместо них – дурацкие офисные шмотки. – Так что завтра жду по форме.

Я кивнула.

- Без проблем.

- Второе. – Максим поднялся с места, и махнул мне, приглашая следовать за ним. – Твое рабочее место в зале напротив. Там опен-спейс. Твой стол возле окна недалеко от входной двери в зал, так нам с тобой будет удобнее контактировать. Сейчас покажу твое рабочее место. Оно немного

на удалении, и это даже лучше – никто тебе не будет мешать с работой. В зале полно народа, придется привыкать к шуму и прочему, но в основном все заняты своим делом. Мой совет, старайся с ними особо не пересекаться – наши дела их не касаются, а редкостные свиньи даже среди моих сотрудников попадают.

Я прошла за Максимом к коридору, любуясь его прекрасной задницей и тут же ругая себя за это. Кедровский пропустил меня вперед, и вышел за мной.

Мы прошли к тому самому залу, о котором он мне только что говорил. Там действительно было шумно, было много народа. И чувствовала я себя здесь, мягко говоря, совсем неудобно.

Я всё же терпеть не могу опен-спейсы, но, в любом случае, что поделать? Хорошо, что мое место действительно на некотором удалении, рядом с лимонным деревом, живущем в большой кадке, и окном, из которого открывается прекрасный вид на город.

Обычный стол, хороший компьютер, канцелярия. Всё есть. Максим сразу дал контакты офис-менеджера по вопросам снабжения и прочего, все показал, объяснил. Его сотрудники уже повыглядывали из-за своих столов, потихоньку наблюдая за нами, но так как Кедровский сразу дал мне кое-какую работу по переводу, я поспешила заняться ей.

- В общем, хорошего дня, - сказал Кедровский. – Зайди ко мне в семь. Обсудим, как всё прошло сегодня.

Вскоре Максим ушел, а интерес ко мне со стороны его сотрудников быстро потерялся. Уже позже я познакомилась с некоторыми из них когда мне нужно было узнать, где можно выпить кофе или спросить что-то по поводу времени обеда. Все, с кем познакомилась, оказались довольно приветливыми и ненавязчивыми, а мне большего и не надо было. В любом случае, тесного общения с кем-либо из них я держать не собиралась.

День прошел на удивление легко и быстро. Работа была, скажем, не самая простая. Сегодня я весь день занималась только переводами, составлением и редакцией договоров. Уже под конец дня по собственному желанию посидела, подумала над условиями одной из сделок, предложила, как можно более выгодно прописать их для себя в документах и, как один из вариантов, скинула Кедровскому.

Без двух минут семь брякнул ВотСапп.

«Зайди ко мне, пожалуйста», - написал мне Кедровский.

- О! Уже «пожалуйста» появилось, – шепнула я себе под нос. – Прорыв! Может так даже здороваться начнёт...

Впрочем, я как раз уже выключала компьютер. Быстро собрав кое-какие свои вещи в рюкзак, я закинула его за спину и направилась в коридор. Многие мои новоиспеченные коллеги уже ушли. Но большая часть ещё сидела на местах, занимаясь работой.

Дверь в кабинет Кедровского была приоткрыта. Я стукну-

ла два раза, услышала «Заходи» и прошла.

Максим сидел за столом, что-то быстро набирая на клавиатуре. Он сидел без пиджака, тот был накинут на спинку кресла, так же, как и галстук. Рубашка была расстёгнута на вороте, волосы были взъерошены и, в целом, Макс имел довольно уставший вид. А ещё он выглядел чертовски сексуально – сил моих не было как. И когда меня уже перестанет по нему так штормить? Столько лет прошло, а я до сих пор, как влюбленная семнадцатилетняя девочка, краснеющая при каждой встрече с ним. Наши семьи с Кедровским тогда только-только стали общаться более или менее тесно и, конечно, тогда мы с Максом и познакомились. Я в него втрескалась в одно мгновение ока, и меня ещё долго по нему вело. Естественно, в сторону таких, как я, он никогда даже и взгляда не кидал, и я прекрасно понимала, что мне не светит. А потом Кедровский уехал учиться за границу, а я как раз полностью растворилась в новой для меня жизни студенческих будней.

Я подошла к столу Максима, он еще несколько секунд заканчивал что-то набирать на клавиатуре, затем поднял взгляд на меня и, вздохнув, откинулся в кресле.

- Присядешь? – спросил он, указав мне на кресло. Я кивнула, и устроилась на том же месте, где уже сидела сегодня утром. Максим устало потер крепкий подбородок, покрытый легкой щетиной, и на секунду снова устремил взгляд на монитор. Но лишь на секунду. – Как прошел день?

Он посмотрел на меня.

- Хорошо прошёл. Спасибо, - ответила я, легко пожав плечами.

- Это прекрасно, - ровно ответил Кедровский, чуть нахмурившись. - Как коллеги?

- Совсем не доставучие, - улыбнулась я. – По крайней мере, те, с которыми я познакомилась.

- Это радует, - усмехнулся Максим. – Ты спешишь? Может, кофе?

- Нет, спасибо, - тут же откликнулась я, покусав губы. – Мне ещё надо заехать кое-куда, поэтому...

Макс едва заметно кивнул и снова, хмурясь, посмотрел в монитор.

- Мне понравилась твоя работа, - сказал он, всё ещё глядя в монитор. Опустив уголки губ, он пораженно покачал головой. – Я бы взял тебя к себе на работу без всяких раздумий, Воробьёва. Прекрасное владение французским. И вот эти поправки к условиям сделки – это прямо огонь.

- Ну, пользуйся, коли есть такая возможность, - криво улыбнулась я. – Я же твоя должница.

Кедровский перевел на меня взгляд.

- Слушай, ну, может, хватит уже кипятиться, а? Эту идею с работой, между прочим, в первую очередь сам Василий Альбертович предложил. Если не веришь – спроси у него сама.

Я ошеломленно распахнула глаза. Брови полезли наверх, и я так и застыла с открытым ртом. Папа? Сам предложил?

Понятно... Ну да, он мог – знал, что такое срыв сделки, понимал, что Макс многое потерял из-за меня. Что ж... Макс не сдержал усмешки, глядя на меня. Он дотянулся до своего смартфона, что лежал на столе и набрал кому-то.

- Алина, привет. Слушай, принеси мне кофе, пожалуйста. Да, как обычно. Ну, подожду, конечно. Я же тут последний человек в компании.

Я прикусила губу, пытаюсь сдержать улыбку. Алина – это офис-менеджер. К сожалению, девчонка была нарасхват. Поэтому Макс меня и попросил взять некоторые секретарские обязанности на себя – чисто для его кабинета и переговоров.

- Да, давай. Спасибо.

Кедровский закатил глаза на секунду, затем снова посмотрел на меня.

- В общем, Воробьева. Ты перебесилась, надеюсь. Я вот тоже перебесился. Так что зарплату буду тебе выплачивать полностью. А то ещё потом умрешь голодной смертью или квартиру у Василия Альбертовича отберут за долги – не прощу себе.

- Ну, вот уж такой радости я тебе не доставлю, - хмыкнула я. – Но спасибо за щедрость. Деньги... Не помешают.

- Может быть, тебе стоит убедить отца, что ему не следует отказываться от бизнеса?

Я вскинула острый взгляд на Кедровского. Господи, он же ничего не знает... Колючий ком мгновенно встал в горле, заскреблось так, что глаза сразу защипало.

- Макс, я пойду, ладно? – тихо спросила я.

Кедровский, наблюдая за мной, нахмурился ещё больше.

Он чуть поджал губы и кивнул.

- Да, конечно.

Я встала с кресла и направилась к выходу из кабинета, ощущая затылком, как Максим сверлит меня взглядом.

Глава 5

Две недели пролетели одним щелчком, и я вдруг действительно поверила в то, что полтора месяца – это такой короткий срок, не успею даже заметить, как пролетит. Я сразу же смирилась с установленным в офисе Кедровского дресс-кодом: белая рубашка, черные брюки, все такое ровное, строгое, офисное, почти хрустящее. Один плюс – весь этот офисный прикид здорово смотрелся с моими очками.

А у Макса в конторе, и правда, был настоящий завал – сотрудники его компании самого разного звена – от колл-центра до брокеров пыхтели и надрывались, задерживались допоздна или, наоборот, приходили слишком рано.

Я сидела от звонка до звонка, и Кедровский ни разу мне не сделал замечания по этому поводу. Впрочем, работы было немало. Все эти две недели я занималась переводом договоров, каких-то акций и других документов. Со второго рабочего дня Максим доверил мне составление условий по сделкам, а с третьего я уже впервые сидела в его кабинете в качестве синхрониста, пока он обсуждал составленные мной же условия с двумя французскими бизнесменами. Кедровский был весьма доволен моей работой, а я довольна тем, что у меня получается успешно выполнять мою работу, плюс ко всему – мне действительно было интересно. Всё это очень напоминало мне давние времена, когда я работала в конторе

у отца, но тогда всё это давалось мне тяжелее, так как знаний, опыта и характера мне тогда ещё не слишком-то доставало.

Сейчас с этим проблем не было.

Два раза в неделю я заезжала к папе в больницу, и мы несколько часов проводили, обсуждая всё на свете. Он уже понял, что я всё знаю, что я всё прочитала. И понял, что в нужный момент, когда всё закончится – я буду готова сорваться с места.

Больше меня тревожила я сама. Чем больше я виделась с Максом Кедровским, тем больше я к нему привязывалась. Особенно учитывая то, что сейчас у нас наладились хорошие отношения, и при этом мы прекрасно работали в тандеме. С одной стороны, я чувствовала, что корю себя за это, даже обвиняла себя в предательстве – ведь это его отец готов был убрать моего папу из бизнеса любой ценой, а с другой... Макс-то был не при чем. И я понимала, понимала с каждым днём, что ещё чуть-чуть – и я снова вернусь к той отупляющей меня влюбленности, которая однажды уже скрутила меня по Кедровскому, когда мне было семнадцать.

Противостоять себе было тяжело. Особенно, когда он улыбался мне, когда вдруг смешил меня, бормотал какую-то шутку, а я не могла, как назло, перестать смеяться... Когда я смотрела в его невозможно красивые каре-зеленые глаза, и вообще находилась с ним рядом, таким невероятным...

В общем, утро понедельника было для меня таким сонным и тяготным, что я уже порядком измучила себя по-

добными мыслями. В десять часов брякнул ВотСапп. Пришло сообщение от Кедровского.

С него и начались мои сегодняшние приключения.

«Вера, доброе утро. Там Алина занята. Принеси, пожалуйста, мне кофе. Как обычно. И захвати, пожалуйста, вчерашние шаблоны по двум последним сделкам».

Оставив рабочее место, я поплелась на кухню. Благо, что кофе-машин тут было аж две штуки! Я подошла к капсульной. Пока кофе готовился, я едва сдерживала себя от того, чтобы не зевнуть. Успела переговорить с коллегой о погоде, и узнать, что, возможно, воодушевленные французы заедут ещё разок на этой неделе – якобы Максим Сергеевич обмолвился об этом уже сегодня утром.

Я постучала в дверь к Кедровскому.

- Да.

- Доброе утро, - поздоровалась я, направляясь к столу. Макс, как всегда выглядевший с иголки, хотя все равно имевший несколько напряженно-уставший вид, быстро кивнул мне и снова хмуро уставился в компьютер. Он что-то читал, и то, что он читал, ему, судя по всему, очень не нравилось.

В любом случае, я не собиралась отвлекать. Поставила кофе, положила договора на стол, и уже собиралась развернуться и направиться к выходу из кабинета, когда Кедровский соизволил обратить на меня свое внимание.

- Воробьёва, - сказал Максим тихо. Я замерла на месте и

повернулась к нему. – Слушай, эти два лягушатника хотят приехать на обсуждение уже завтра. У них там какие-то острые вопросы по нашей сделке, плюс они уже готовы предоставить ответные условия. Как считаешь, успеем с тобой подготовить заключительный акт по делу с ними? Пока предварительный, конечно. Мне кажется, что завтра уже можно вывести их на финишную прямую. Нужно будет сегодня в первую очередь откинуть то, на что мы не пойдем ни под какой вероятностью, и выписать в нейтральную зону те вопросы, над которыми мы сможем быстро подумать и сразу же завтра на переговорах решить, как их обыграть в итоговом пакете.

Я легко пожала плечами.

- Вполне, - ответила я, поправляя очки. - Если пока снять другие вопросы и дела, и сегодня целый день заниматься только этим, то без проблем успеем.

- Чем это «этим» вы будете заниматься сегодня целый день?

Мои брови поползли вверх, и я даже не успела как-то заставить себя смахнуть удивленную мину с собственного лица, резко поворачиваясь на знакомый голос.

В кабинет, без всякого, конечно же, стука, без лишних вопросов и вообще без всяких церемоний вошла высокая блондинка.

С длинными белокурыми волосами, загорелая, голубоглазая, ухоженная с головы до ног: со всеми этими бровя-

ми-ресницами-маникюрами-косметологическими процедурами. Блондинка была в туфлях на шпильках и в самых дорогих и модных одеждах и аксессуарах, которые только можно было ныне представить. Ну, и конечно, с великолепнейшей фигурой фитоняши и заядлой ППШницы, а главное поражающим красотой лицом аля «Мисс Вселенная Вселенных».

Имя блондинки было Диана Александровна Шмелёва. Знакомы мы были с ней уже давно, всегда кое-как терпели общество друг друга в кругу общих знакомых, но вообще и она, и я старались не пересекаться друг с другом дольше, чем на пятнадцать секунд. Я знала, что они с Максом Кедровским встречается уж около года, и из всех девушек, которые когда-либо окружали Максима, лично я видела его рядом только с такой красавицей-моделью, как Диана. Она, пожалуй, обошла всех своей привлекательностью.

Впрочем, характер у неё был ещё тот. Бабой она была взбалмошной, как и её мать. Деньгами сорила знатно, да так, что за ней, в этой всей светской компашке, в которую меня периодически заносило по долгу перед родителями, закрепилось прозвище «белокурая транжира».

- Диана, тебя стучать учили? – спросил Макс, вздыхая с таким видом, будто бы ему, по меньшей мере, сообщили, что его машину третий раз за день увезли на штраф-стоянку.

- А тебя – здороваться?

Мы с Кедровским перекинулись взглядами. Уголок моих губ дернулся, Макс же, снова устремляя взгляд на Диану, на-

змурился ещё больше.

Девушка, окутанная шлейфом каких-то невозможно дорогих духов, уверенно пересекла кабинет и подошла к столу Кедровского. Она повернулась ко мне и наигранно вскинула свои аккуратные бровки.

- Кого это я вижу? – елеинно спросила она, с таким непомерно гадким презрением окидывая меня с головы до ног, что я даже поёжилась. – Мышки в нашем городке?

«Концерта не избежать», - начиная ощущать, как гнев вскипает во мне, подумала я.

- Диана, - угрожающе протянул Макс, поднимаясь с кресла. – Ну-ка, давай, прекращай.

- А что такого, любимый? – театрально раскинув руки, спросила Шмелева, повернувшись к Максиму. – Чего это ты вообще её защищаешь? Да и вообще я просто общаюсь с... как там?

- С Верой, - уже раздражаясь, процедил Кедровский. Надо же, пока Макс отстаивал мои права, мне еще как-то удавалось сдерживать свои все быстрее закипающие эмоции.

- Ах да! Вера! – отмахнулась Диана, и снова повернулась ко мне, гадко улыбаясь. – Воробьева, кажется, да? Ты себе на маникюр бы накопила, что ли, Вера.

- Ты лучше себе на мозги подкوبي, - отрезала я с ледяной яростью, уже готовая вцепиться в горло этой блондинке в шоколаде. – В следующий раз попробуй их нарастить вместо своих опухших на глазах, может полегче жить станет.

У Шмелевой вытянулось лицо. Она открыла рот, и пока прокручивала все мои слова в своей светлой головушке, рот у неё так и не соизволил закрыться. Диана при этом мгновенно вспыхнула – лицо её вдруг покраснело, а глаза заблестели лютой злобой.

- Ах ты, мышь очкастая! Да как ты вообще смеешь со мной так разговаривать!

От греха подальше, я отскочила за стол Кедровского, надеясь найти там какое-то убежище. Макс же, наоборот, выскочил из-за стола, собираясь сдержать, начавшую в гневе размахивать кулаками Диану. Та швырнула свою сумочку на диван, смахнула стакан с шариковыми ручками на пол, затем и вовсе подхватила какую-то бумагу и разодрала её пополам.

- Диана! Стой! – проорал Макс, успев к ней подлететь только тогда, когда лист А4 с гербовой печатью был порван на две части. – Что ты... Бл*ть, ты что сделала?!

Я вытянула шею, пытаюсь узреть, что за бумагу уничтожила Шмелёва. Как только Макс рывкнул, Диана тут же успокоилась. Кедровский же, подхватив её под локоть, подтолкнул в сторону журнального столика, затем посмотрел на меня.

- Так, ты – на выход, - сказал он мне холодно, и я тут же поспешила выйти из-за его стола и просочиться к дверям кабинета, пока над моей головой не разразилась буря. – А ты, Шмелёва, сейчас будешь слушать подробную инструкцию, которой будешь следовать, занимаясь восстановлением вот этой вот до задницы важной бумаги...

Я не услышала, что ответила Диана, так как дверь кабинета Кедровского как раз тихонько щелкнула, закрываясь за моей спиной. Тихо и протяжно выдохнув, я поспешила в наш опен-спейс. Пойду-ка я лучше работой позанимаюсь от греха подальше.

Особо долго я работой позаниматься не успела. Вот Сапп оповестил о новом сообщении от Кедровского уже спустя четверть часа. Я скосила взгляд, немало, признаться, волнуясь – не хотелось получить леща, тем более что Шмелёва первая начала всю эту дурацкую сцену.

«Зайди ко мне», - прочитала я в сообщении. Вздохнув, я сохранила файл в Ворде, отложила папку с актами и договорами на край стола, и снова направилась к Кедровскому.

Выйдя в коридор, я застыла у двери, заметив, что удаляясь к лифтам, по коридору идет Диана. По её одной походке было видно, что она просто в бешенстве. Мое умозаключение подкреплялось и руганью, которую она, не сдерживаясь, громко исторгала, сотрясая воздух БЦ.

- Долбанная очкастая мышь! Заучка хренова!

Эти высокоумные словесные выбросы явно были посвящены мне, но я решила, что мне хочется их слушать, и поспешила в кабинет к Максиму.

Дверь за мной снова закрылась с легким щелчком, но я не спешила от неё удаляться. Кедровский сидел за столом, сложив руки на груди и глядя в монитор с превеликим недовольством.

- Кхм, - я прочистила горло, приложив кулак к губам.

- Подойди, - буркнул Кедровский. Но затем добавил. – Пожалуйста.

Я едва заметно усмехнулась, затем прошла через кабинет и подошла к его столу.

- Я слушаю.

Макс указал мне на кресло. Я, едва подавив усталый вздох, устроилась в моем любимом – постоянство, кажется, признак адекватности, а после посмотрела на Максима.

- Эта ду... В общем, Шмелёва в порыве своих необузданных эмоций порвала охрененно важный документ. – Максим устремил на меня суровый взгляд своих каре-зеленых глаз. Его красивое лицо было омрачено недовольством, но его едва ли это портило. Красив Кедровский был, конечно, непомерно. Я обратила внимание, что люблюсь им, и осекла себя, отведя взгляд. – Так как я припахал её в ближайшие четыре дня заниматься его срочным восстановлением, разъезжая по разным инстанциям города, тебе, Воробьева, раз уж ты непосредственный участник конфликта, придется её заменить в другом деле.

Моя бровь скользнула вверх.

- Боюсь даже предположить в каком, - ответила я, откидываясь на спинку кресла и складывая руки на груди.

Макс усмехнулся, покачав головой, что несколько разрядило обстановку, но затем всё же посмотрел на меня с едва

ли меньшей серьезностью.

- У её младшей сестры Алёны, ей десять лет, в следующий понедельник экзамен по французскому языку. – Максим чуть покривил ртом, вглядываясь на меня. Я уже почувствовала, как меня охватывает что-то сродни отчаянию. – Шмелевой надо было найти репетитора для её подготовки на среду, четверг и пятницу. Но теперь...

- Теперь этим репетитором должна стать я, верно? – спросила я, разводя руками. – Макс... Шмелёва, между прочим, первая начала.

- Вер. Давай сейчас не будем, а? – Нахмурился Кедровский. – Завал будет по самое горло у всех. У меня сейчас всё колом встанет без этой грёбаной бумаги. Тебе это надо?

- Мне – нет, пусть колом встает, когда твоя Диана здесь будет, - отвернулась я.

Макс посмеялся.

- В общем, Воробьева. Если мы с тобой не хотим погрязнуть с этими лягушатниками в болоте недоработанных сделок, поучаствуй уже, пожалуйста, в деле для общего блага.

Я вскинула руки.

- Хорошо. Сдаюсь. Снова я кому-то что-то должна. Когда же это кончится-то уже? – Я посмотрела на Кедровского. - Когда и куда мне нужно приехать. И что вообще нужно?

- Итак, - явно обрадовавшись моему согласному решению, начал вещать Кедровский. – После работы, в эти три дня я буду отпускать тебя пораньше, дабы тебе приехать ко мне до-

мой к шести часам. Туда же водитель привезет Алёну. Ключи у них есть. Аленка там всё знает.

- А к тебе домой – это куда? – спросила я.

- Я живу на Маршала Тимошенко, это в Крылатском.

- Почти соседи, - улыбнулась я. – Я в Щукино, на Маршала Соколовского.

- Слушай, а ведь точно, – удивился Максим, вскидывая брови. – Ничего себе. Забыл, что у Василия Альбертовича там квартира. Ну, тогда тебе будет и до дома легко добраться после занятий.

Я кивнула.

- Ты мне только всё распиши и скинь в ВотСапп, ладно? – попросила я. – Чтобы ничего не забыть.

- Конечно. Заодно тебе на почту отправлю программу её занятий. – Макс посмотрел на меня. – Ну что? Договорились?

Я снова кивнула.

- Так точно.

Покинув кабинет Кедровского, я вдруг подумала о том, что впервые слышу о том, что у Шмелевой есть десятилетняя младшая сестра. Надо же. Интересно, похожа ли она на Диану? Если да, то даже представить страшно, что будет на этих занятиях. Ну, теперь-то уже поздно что-либо говорить. Придется готовиться к худшему.

Глава 6

Кедровский жил в великолепном доме в не менее великолепном районе. Дом был ностальгически прекрасен – имел виртуозный дизайн в ретро-тонах, отличался не только впечатляющим убранством, но и весьма полным комплектом, сопутствующим ЖК такого класса: то есть огороженной территорией, подземным паркингом, красивой и ухоженной территорией с детскими площадками, огромными холлами с охраной и ресепшеном и всем тем, чем впрочем отличался и мой дом.

Только у Макса квартира здесь была четырехкомнатная, полностью сделанная по дизайн-проекту в уютно-душевном скандинавском стиле, и принадлежала она самому Максиму. Вообще родители Кедровского жили в своём доме где-то на Рублево-Успенском. Свою квартиру, которая была подарена Анне Кедровской её мужем, она отдала сыну, при переезде с Сергеем в свой дом. Уже после смерти матери Максим продал квартиру, вложил свои деньги и купил себе ту, в которую я сейчас направлялась по сверкающему лоском подъезду. Максим жил на двенадцатом этаже, как и я. Это было даже несколько забавно.

Площадь, конечно, в его квартире была колоссальной. Я бы спросила у Кедровского, зачем ему вообще такая огромная квартира, но так как предполагала, что он собирался же-

ниться – ответ был очевиден.

Большая прихожая, огромная гостиная, объединенная с кухней, три комнаты – две спальни и один, можно сказать, кабинет. Два санузла, одна постирочная. Качественный ремонт: натуральные материалы, дорогая сантехника, люксовая бытовая техника, качественная мебель и текстиль. И, конечно же, невероятно красивый вид из окна. Квартира Кедровского, конечно, впечатляла, что уж скрывать.

В день первого занятия, то есть в среду, я приехала раньше Алёны. Ключи уже были выданы мне Кедровским, на ресепшне и охране все были предупреждены, так что проблем никаких не возникло. За исключением подкрашенных презрением улыбочек милых девочек, что стояли за стойкой ресепшна. Ну да, я же так, пшик, училка по французскому. Уж не Диана Шмелёва, простите.

В общем, пока я ждала Алёну, успела обойти всю квартиру Кедровского и повпечатляться по полной программе. Денег на обслугу своей квартиры он, конечно, не жалел, ну и молодец, что сказать – хозяйственный. Сам купил, сам и вези. Умеешь и можешь достойно - умница, вот тебе пряник. А Кедровский умел, судя по идеальной чистоте и порядку в квартире.

Алёна опоздала. Меня это взбесило, но как-то раздражаться на девочку десяти лет, которую подвозит сюда водитель, было тупо. Однако... Когда девчонка вошла в квартиру, я сразу поняла, что беситься и раздражаться на неё – это

вообще нормально, потому что поведение аля Диана было просто невыносимым.

Алёна была невысокой девочкой. У неё были светлые волосы, коротко подстриженные под мальчишку, большие голубые глаза и переносица, усыпанная веснушками. Девочка была с очень тяжелым характером и практически без всяких манер. Позаниматься в первый раз мне удалось с ней с большим трудом, во второй – с трудом не меньшим, чем в первый раз.

Честно говоря, уезжая вечером в четверг домой после этих уроков французского, я мечтала только об одном – чтобы пятница поскорее началась и поскорее закончилась.

Кажется, на сегодня всё. Ух. Я выдохнула, откидываясь на спинку кресла и устремляя взгляд на рабочий стол с подготовленными папками. Как всё-таки хорошо, когда в пятницу перед выходными успеваешь закончить то, что было запланировано. Осталось только занести договора Кедровскому, и отбарабанить последнее занятие по французскому с Алёной.

Так как сегодня у меня был короткий день, и на часах значилось только пять, я решила, что вполне быстро доеду до ЖК Макса в Крылатском на такси. Собрав вещи, я подхватила папки, и направилась в коридор. Дверь в кабинет Кедровского была чуть приоткрыта, и когда я покинула наш опенспейс, то сразу нахмурилась – мне показалось, что я слышу, как Макс с кем-то ругается. Может быть, по телефону?

Я осторожно постучала в дверь.

- Да, - весьма сурово откликнулся Кедровский, но я, не придав этому значения, зашла в кабинет. Максим стоял возле своего стола, хмуро набирая что-то в телефоне. Выглядел он, мягко говоря, рассерженным. Впрочем, мне-то что? Я собиралась только отдать готовый материал, и поскорее уже убраться отсюда.

Я даже не успела подойти к его столу. Он вдруг швырнул телефон к монитору, весьма грязно выругавшись, и только теперь устремил взгляд на меня.

- А ты что здесь забыла, Воробьёва? – раздраженно спросил он, тут же снова приглядываясь к начавшему вибрировать от звонка телефону.

- Договора... - начала, было, я. – Собиралась...

Макс подхватил свой телефон и, выключив, закинул его в кадку с фикусом. Мои брови поползли вверх. Ого. Кажется, я совсем не вовремя.

- Черт подери, Воробьева, давай шевелись уже! Оставь эти чертовы договора на столе, и потом вали давай отсюда побыстрее!

Я застыла между двух дурацких зеленых диванов, держа папки и, глядя на Кедровского круглыми глазами.

- Ты оглохла, что ли? – разведя руки в стороны и глядя на меня с лютой злобой, спросил Максим. – Или совсем ослепла? Не видишь, что ли, что я занят?

От ошеломляющей обиды, я уже едва сдерживала слёзы.

Впрочем, я вернула себе самообладание в одну секунду. Психопат – это первое, но не главное. Ибо главное – козёл, причем большими буквами. А ещё самое настоящее хамло.

- Да пошел ты к чёрту, Кедровский, - сказала я ледяным тоном, швырнула папки на ближайший диван и, развернувшись, направилась прочь из кабинета, мельком боясь, как бы мне в голову что-нибудь не прилетело.

- Воробьева! - свирепо заорал Максим мне в спину. – Ты ответишь за это! Так и знай!

Схватившись за дверную ручку, я открыла дверь и, кинув взгляд на разъярённого Кедровского, показала ему неприличный жест. Выйдя из кабинета, я захлопнула дверь и направилась к лестнице. Старалась идти побыстрее, а то мало ли, вдруг Кедровский решит догнать и убить. Дрожащими руками, и всё-таки так и не сдерживая слёз, я достала из сумки смартфон. Дико хотелось продинамить Кедровского после всей этой сцены, и забить на Алёну с её уроком французского, но я почти сразу отбросила эту мысль – это уж слишком по-свински, а уподобляться такой свинье, как Макс Кедровский, мне не очень хотелось.

Я вызвала такси, и когда вышла на улицу, оно как раз подъехало, припарковавшись на освободившееся местечко возле дверей нашего БЦ.

Я села на заднее сиденье, озвучила адрес и, вместо того, чтобы ещё раз обдумать наш сегодняшний завершающий урок с Алёной, я тупо смотрела в окно, не в силах вообще о

чем-либо думать. Выходка Макса и все его слова до сих пор больно саднили в сердце. Я и представить себе не могла, что после того, как мы с ним, главным образом, по его инициативе, с таким трудом наладили отношения, он сможет вот так просто облить меня помоями за минуту и ещё совсем ни за что!

Я, конечно, всё понимаю. Да, злой. Да, что-то там у него произошло. Я сама плохо управляла эмоциями – вспомнить хотя бы то, как я ему сделку сорвала. Но я-то теперь и плачу за это, отработывая свой долг, а он просто на пустом месте растоптал меня и хочет, чтобы я ещё и не реагировала на это. Да пошёл он куда подальше.

Вечерний город, горящий огнями и вывесками, уже как-то совсем по-весеннему смотрелся в своей кипящей, неутомимой жизни. Прохожие спешили кто куда. Начинал крапать дождь, небо затянуло темно-серыми тучами. И вот – мокрый асфальт, лужи, набухшие почки на деревьях и смазанные бело-красные огни фар.

Вскоре я подъехала к дому Кедровского, и уже привычным мне маршрутом побрела под зонтом к нужному подъезду. Ужасно не хотелось никуда идти, тем более на занятие французским с Алёной. Больше всего на свете мне сейчас хотелось лечь в кровать, завернуться в теплое одеяло и крепко заснуть. А ещё лучше предварительно напиться.

Ладно. Надо взять себя в руки. По крайней мере, завтра я увижу папу. Уже соскучилась по нему.

Я снова приехала раньше Алёны, и поэтому успела выпить кофе. Кедровский пришел вчера раньше, чем мы с Алёной закончили, и научил пользоваться его навороченной кофемашиной. Было страшно, конечно, что-то делать без его руководства, но, вроде, я вполне успешно справилась. По крайней мере, кофе получился что надо.

В результате, Алёна приехала в пятнадцать минут седьмого. Понуро буркнув что-то вроде «привет», прошла к санузелу, а после плюхнулась рядом со мной на подушку в гостиной. Мы решили с ней заниматься французским за низким журнальным столом в гостиной, сидя на подушках – единственное обоюдное решение, которое мы приняли за три дня без всяких споров.

Время тянулось. Упражнение за упражнением. Перевод, грамматика. Черт подери, какими же бывают упрямыми дети.

- Ненавижу французский! – снова проныла Алёна. – Не хочу делать ещё одно дурацкое упражнение! Мы только что сделали такое же!

Я закатила глаза и, состроив мученическое выражение лица, кинула взгляд на часы – осталось ещё двадцать минут, и я буду свободна, словно Добби... Алёна, конечно, не Люциус Малфой, за него больше Кедровский сошел бы, но мелкая тоже была уж отнюдь не ангельского характера. А я, если честно, была уже на пределе. День прошел прекрасно, но этот вечер, начиная с разъярённого Кедровского, полностью

вышиб меня из колеи. Я прикрыла глаза, глядя на маленький круглый ночничок, напоминающий луну, что стоял на тумбе у шкафа. Надо же, точно такой же мне когда-то подарила мама... Он до сих пор в моей комнате стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.